Аида Арье

Русские эмигранты и их потомки

ИСТОРИИ УСПЕХА

Аида Арье

Русские эмигранты и их потомки. Истории успеха

«Грифон»

2018

УДК 929(470+570)
ББК 63.3(2)-8

Арье А.

Русские эмигранты и их потомки. Истории успеха / А. Арье — «Грифон», 2018

ISBN 978-5-98862-409-7

О русских эмигрантах у нас принято рассказывать чаще всего с акцентом на нелёгкую судьбу и на выпавшие им испытания. При этом истории о достижениях и признании незаслуженно обходят стороной.Однако в этой книге русская эмиграция показана с непривычной, светлой стороны. Здесь собраны истории успеха наших бывших соотечественников и их потомков, добившихся признания за границей, но при этом – даже сейчас! – почти неизвестных у себя на Родине. Они представляют Корею, Японию, Сингапур и ЮАР, Италию, Францию, Великобританию, Парагвай и охватывают период примерно со второй половины XIX по 70-е годы XX века.Теперь современный читатель сможет познакомиться с выходцами из России – стойкими и упорными, сообразительными и предприимчивыми, и, конечно, очень талантливыми и успешными.

УДК 929(470+570)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-98862-409-7

© Арье А., 2018
© Грифон, 2018

Содержание

Предисловие 6
«Мы по свету её разнесли…» 8
Глава 1. Придворный архитектор Императора. Афанасий Иванович Середин-Сабатин (Корея) 10
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Аида Арье
Русские эмигранты и их потомки. Истории успеха

© Арье А., 2018

* * *

Моим дорогим родителям и мужу посвящается

Предисловие

Основным поводом для написания этой книги послужило распространённое в России мнение: «наших за границей не любят». Причём это зачастую произносится как окончательный вердикт.

Вердикт этот, по всей видимости, распространяется на все стороны жизни: от плохого отношения к туристам до невозможности русскому человеку добиться успеха на чужбине. В подтверждение вам обязательно приведут примеры русских гениев, которые не прижились в далёких краях (вспомнить хотя бы Цветаеву) и в итоге возвратились в родные пенаты. «Где родился, там и пригодился», – последует непременный вывод.

В конце концов, разговор сведётся к тому, что нас «там» презирают, считают чудаками в шапках-ушанках, культуру нашу не уважают, историей России не интересуются, а слово «русский» используют как синоним слову «варвар».

Чем чаще я слышала такие высказывания, тем больше задумывалась над тем, что почему-то мой личный опыт общения с иностранцами – совсем другой. И никак в эту схему невозможно уместить тех заворожённых русской культурой людей, которые попадались мне во время путешествий.

Нет в этой схеме места милому английскому полицейскому, который не только любезно помог мне найти нужную улицу, но и, узнав, откуда я, радостно воскликнул: «О, Россия! Римский-Корсаков! Я так его люблю». И, к моему изумлению, начал насвистывать арию Варяжского гостя.

Или как втиснуть в это прокрустово ложе встретившегося мне интеллигентного немца из Мюнхена? Он собрал полную коллекцию книг Бориса Акунина и считает, что самый вкусный чай – непременно из русского самовара, который у него, естественно, есть.

Трудно включить в эту формулу и молодую японку, с которой я вместе изучала английский язык – и от которой получила прозвище «Анна-тян» в честь её любимого произведения «Анна Каренина».

Конечно, в жизни случается всякое, и наряду с положительными примерами межнационального общения можно с лёгкостью найти и отрицательные. Однако это доказывает лишь одно: к русским (как, впрочем, и ко всем другим народам) за границей относятся по-разному, и очень часто это отношение зависит от нас самих.

Но как быть с утверждением, что русские эмигранты не способны достигнуть громкого успеха? Сказать по правде, такие счастливчики у нас и впрямь не на слуху. Знающие люди, конечно же, вспомнят Сикорского, Дягилева, Шаляпина, Нуриева… в общей сложности наверняка наберётся с десяток имён. Но значит ли это, что на этом список обрывается? К тому же в большинстве своём нам известны те эмигранты, которые начали свою карьеру ещё в России, а затем уже продолжили её за границей. А есть ли такие, кто начинал с «чистого листа», не имея известного имени?

Думаю, вы удивитесь, узнав, как много славных русских людей известны за границей и при этом абсолютно незнакомы большинству наших сограждан. Полагаю, эту ситуацию вместе с мифом о «всеми нелюбимых русских» давно пора исправить. Настало время узнать о тех, кто создавал образ русского человека, максимально далёкого от «погонщика медведя с балалайкой», и воздать им дань уважения.

В этой книге вы встретите, пожалуй, почти неизвестные у нас имена эмигрантов из России и их потомков, которые смогли внести свой вклад (не всегда масштабный, но зато очень интересный) в развитие тех стран, где им довелось жить. Само собой разумеется, что их список далеко не исчерпан. Поэтому при удачном стечении обстоятельств продолжение непременно последует.

Что же касается успеха, то, как известно, он измеряется не только в деньгах. В первую очередь – это возможность максимально реализовать свои способности, осуществить мечты и, в конечном счёте, оставить о себе добрую память. В этом смысле все собранные мною биографии – это рассказы об успешных людях с очень яркими судьбами.

Однако жизнь многих русских эмигрантов до сих пор остаётся малоизученной, а источники информации – или скудны, или существуют только на иностранных языках. Посему я с самого начала не преследовала цели составить длинные «панегирики» с точными датами и мельчайшими подробностями. Данная книга – скорее попытка познакомить максимально широкий круг читателей с нашими соотечественниками – стойкими и упорными, волевыми, энергичными и сообразительными, отважными и предприимчивыми. И, конечно, очень талантливыми. В первую очередь мне хочется заинтересовать вас самой темой успеха русских эмигрантов и их местом в истории зарубежья. Остальное – дело более глубоких биографических исследований.

Ну а если после прочтения последней страницы кому-то удастся отказаться от скучной мантры «нас там не любят», значит, мои усилия потрачены не зря.

Приятных вам открытий и лёгкого избавления от стереотипов о нас самих!

* * *

Автор выражает большую благодарность переводческому бюро «Берг» за помощь в переводе с итальянского.

«Мы по свету её разнесли…»

Не смела нас кручина, не выгнула,
Лишь согнула до самой земли,
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету её разнесли.

Алексей Ачаир

Эти слова Алексея Ачаира (Грызова), казачьего поэта, двадцать лет жившего в Харбине, потом арестованного НКВД за якобы сотрудничество с японцами и после десяти лет лагерей создавшего хор из воспитанников новосибирских детских домов, в двадцатые и тридцатые годы беспрерывно публиковали в русских эмигрантских изданиях. Их часто вспоминают в наши дни. Потому что они удивительным образом воплотили триумф и трагедию миллионов российских изгнанников, в силу страшных событий XX века потерявших Родину, но в большинстве своём продолжавших ей служить на чужих берегах.

Горькая шутка «Россия – родина слонов», родившаяся в советскую эпоху, на самом деле имеет очень большие и серьёзные основания. Потому что очень многие из тех, кто внёс своими деяниями огромный вклад в золотой фонд мировой науки и культуры, были либо выходцами из Российской империи, либо их потомками. Хотя сейчас мы вспоминаем, прежде всего, русскую эмиграцию эпохи революционных смут, есть замечательные примеры русских уроженцев, сделавших себе имя за границей и до 1917 года. Их мы тоже не должны забывать, судьба этих людей очень поучительна и интересна.

Сегодня мы уже много знаем о вершинах, достигнутых выходцами из нашей страны. Тысячи книг, статей и фильмов, в той или иной степени отданных «России вне России» и посвящённых этой бездонной теме и её героям – Бунину, Набокову, Сикорскому, Деникину, изобретателю видеомагнитофона Понятову, Дягилеву… Этот список можно продолжать бесконечно.

Однако, как писала Ахматова, горек хлеб чужих земель. Для нас долгие годы эмиграция представлялась, как точно отметил Солженицын, «…тапёрами, кокаинистами и домирающими трупами». Князья и генералы, ставшие таксистами и швейцарами, княгини, моющие посуду, тоскливые песни под гармонь и плач на Пасху у русских икон – вот общепринятый очень долгое время взгляд на российское изгнание.

И, к слову, он во многом был верный. Но были ещё и казаки, работавшие на шахтах Силезии и валившие лес в парагвайской сельве, матросы и солдаты, с рассветом идущие на заводы Рено, молодые русские поэты, после тяжелейшего рабочего дня собиравшиеся в парижских кафе, где зачастую скидывались на одну чашечку кофе… Всё это, конечно, имело место. И тем больше поражаешься величию подвига эмигрантов, сумевших остаться русскими и не дать своим детям забыть, кто они и откуда родом.

Недаром сквозь страхи земные,
В уже безысходной тоске,
Я сильную руку России
Держу в своей слабой руке.

Так писал поэт Парижа Владимир Смоленский. Они продолжали припадать к руке своей Родины, которая была для них утрачена навсегда.

Всё исчезнет – и ревность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны…
Но останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

Эти строки казачьего поэта Николая Туроверова очень мощно показывают, что же было главное для тех, чьё состояние так гениально выразил Сергей Есенин: «… А теперь я милой ничего не значу / Под чужую песню и смеюсь и плачу».

И всё же были другие судьбы. Были те, кто сумел добиться успеха, кто унёс с собой не только тоску по оставленной Родине, но и предприимчивость, размах при ведении дела, качества, которые делали русских купцов ведущими европейскими меценатами, предприимчивость, конечно, сумасшедшие российские выносливость и стойкость. Изобретательность, ну и, безусловно, наш отечественный юмор, который столько раз не давал пропасть в самых сложных ситуациях.

Именно это делает столь интересной книгу Аиды Арье, которую вы сейчас взяли в руки. Потому что перед нами – невероятные примеры того, что Пушкин определил гениальными словами «Самостояние человека», истории победы эмигрантов (или просто выходцев из России, тех, кто по каким-то причинам вынужден был покинуть свою Родину) над обстоятельствами, которые, казалось, преодолеть было невозможно.

Писательница даёт читателям огромный заряд веры в возможности отдельных людей и разворачивает полотно судеб, которыми можно гордиться. И находит яркие примеры не только в бурном двадцатом столетии, но и в веке девятнадцатом…

И даёт нам возможность ещё раз прикоснуться к величию их подвига.

Виктор Леонидов,
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына

Глава 1. Придворный архитектор Императора. Афанасий Иванович Середин-Сабатин (Корея)

Согласитесь, сложно найти семью, в которой ребёнок не слышит ежедневных наставлений про жизненную необходимость хорошего образования. При этом венцом всех трудов принято считать диплом (желательно красный!) и гордое звание «дипломированного специалиста». Молодым людям не устают ставить в пример бесконечных родственников, друзей и знакомых семьи, чья жизнь сложилась, как по маслу, благодаря диплому. Вот дядя Витя, работает менеджером. Не последний человек в компании, между прочим! Или, к примеру, тётя Оля, своё дело открыла. Ну и что, что заканчивала физфак? Хорошее образование никому ещё не помешало! В любом случае без бумажки (в смысле, диплома) ты – букашка.

Никуда тебя не возьмут, и имя тебе будет «никто». Так что марш вперёд за корочкой! И как бы занудно эти наставления ни звучали, приходится признать, что большинство работодателей – приземлённые прагматики, ищущие как раз тех самых «дипломированных специалистов».

Но судьба – не работодатель. Судьба весьма изобретательна и любит подшутить над теми, кто привык двигаться в общем потоке. И выдвигает она «в люди» не по диплому, а по своей прихоти или по совету изменчивой Фортуны. А чем ещё можно объяснить тот факт, что многие известные люди, ставшие настоящими флагманами в своём деле, с точки зрения обывателя – самые настоящие неудачники?

Взять хотя бы Лайонела Джорджа Лога, логопеда-самоучку, излечившего от тяжелейшего заикания короля Великобритании Георга VI. Несостоявшийся актёр, логопед без образования, в общем, жалкий человечек, с точки зрения любого топ-менеджера. Но именно благодаря его усилиям и опыту король обрёл голос, ставший для британцев символом сопротивления во время Второй мировой войны. Размеренную речь с весомыми паузами, доносившуюся из каждого радиоприёмника, англичане слушали так же заворожённо, как жители СССР – сообщения Левитана.

К ныне почти забытому гению московского модерна Николаю Жерихову выстраивались целые очереди богатеев с просьбой построить им модный, современный дом. Догадывались ли они, что этот крестьянский сын не имел архитектурного образования? Быть может. Однако заказчики не сильно об этом беспокоились, ведь проекты Жерихова были модны, красивы, удобны – и успешно раскупались.

Недалеко от него ушёл и всемирно известный американский самородок Генри Форд. На одном из судебных процессов адвокат решил вывести Форда на чистую воду, продемонстрировав окружающим, что тот не знаком даже со школьной программой. «Ну и что с того? – невозмутимо ответил самоучка. – Зато вы все ездите на моих автомобилях!»

Героя нашей первой главы, талантливого архитектора, по справедливости можно отнести к той же когорте бездипломных гениев. Стечению обстоятельств было угодно сделать его уникальным архитектором. Однако, в отличие от Жерихова, он не был забыт. Ведь невозможно забыть того, кто оставался неизвестен на родине даже в период расцвета своего творчества. Тем не менее этому человеку с редкой судьбой удалось не просто добиться признания, но и связать тонкими нитями две страны с совершенно разными культурами. Нам осталось только постараться разглядеть их.

* * *

Выпускные экзамены… И сейчас, и сто лет тому назад эти дни – самые напряжённые для студентов. Те, кого ещё не впустили в экзаменационную аудиторию, толпятся рядом с дверью, пытаясь услышать хотя бы пару слов из тех вопросов, которыми профессора мучают выпускников. То и дело кто-нибудь поднимает над толпой взъерошенную голову, прижимает палец к губам и громким шёпотом произносит: «Тихо! Ни черта же не слышно!»

Другие, наоборот, предпочитают потратить последние минуты на зубрёжку недочитанных глав и сидят в стороне, уткнувшись в учебник. В глазах уже рябит, губы пересохли, но им всё кажется, что ещё одна прочитанная страница может их спасти. Ну а третьи уже давно на всё плюнули, ходят по коридору из угла в угол и периодически мешают тем, кто пытается зубрить.

Но вдруг столпившиеся около двери студенты замирают тише обычного. Что именно происходит за дверью, ещё никто толком не понимает, но экзамен уже позабыт. До любопытных ушей доносится отрывистое: «Да как вы смеете… Вы забываетесь… такой наглости…», и, наконец, громко и отчётливо звучит ожидаемое всеми: «Вон отсюда!»

Любопытные и одновременно напуганные студенты не успевают вовремя отпрянуть, и широко раскрытая дверь попадает кому по плечу, а кому и в лоб. В центре плотного кольца появляется разгорячённый молодой человек. Кажется, он всё ещё готов спорить со своим оппонентом, а то и придушить его.

– Середин? Ты? – удивляется кто-то из толпы.

– Билет неудачный?

– Ты же всё хорошо знаешь…

Все с нетерпением ждут подробностей.

– Да этот старый… да у него представления об архитектуре… – сбивчиво объясняет Середин.

– …времён Очаковских и покоренья Крыма, – понимающе завершают за него.

– Ну и что теперь? Пересдача?

– Какое там! Старик сказал – всё, без диплома останусь.

– Как же так?! – студенты разве что за сердце не хватаются.

– Может, всё-таки извинишься? Чёрт с ним, с этим маразматиком, – советуют с разных сторон.

– Да на кой мне этот диплом! Всю жизнь, что ли, хотел домики, церквушки да дворцы для богатых господ строить? Больно надо! Вот, в морские кадеты подамся, – гордо провозглашает студент и покидает своих сокурсников с видом непобеждённого борца за справедливость.

– Вот чудак человек! А ведь был среди первых по всем предметам.

– Тоже мне, гордый! Мог бы свой спектакль попозже закатить. Нам тут ещё сдавать и сдавать. А старик теперь злой. Ой, чувствую, полетят наши головы! – возмущаются вокруг.

* * *

Так ли наш герой покидал стены своей альма-матер или несколько иначе – на этот вопрос нет однозначного ответа. Существует также мнение, что всё его архитектурное образование свелось к годичному посещению в качестве вольнослушателя Академии художеств[1] в Санкт-Петербурге. Впрочем, версия про ссору с профессором вполне имеет право на существование и, как мне кажется, согласуется с авантюрным и свободолюбивым характером Середина.

История с Морским кадетским корпусом также не может претендовать на стопроцентную достоверность. Возможно, что не располагавший большими денежными средствами Середин закончил только морские классы. Иначе говоря, получил только среднее специальное образование, позволявшее ему работать шкипером каботажного плавания или штурманом дальнего плавания.

Вообще многое в биографии Афанасия Середина-Сабатина остаётся под большим вопросом. И тому есть множество причин. Во-первых, его звезда в полной мере взошла над небом другого государства, следовательно, в России о нём если и писали, то очень скупо.

Во-вторых, его постигла судьба многих гениев, живших на изломе эпох: за «железным занавесом» его имя оказалось ненужным. Все наши соотечественники, которые достигали успеха за границей, по политическим соображениям того времени становились «невидимками» в СССР. Так что даже самые опытные специалисты в области архитектуры просто-напросто ничего не знали о Середине-Сабатине.

В-третьих, имя замечательного архитектора долгое время оставалось в тени не только на его исторической родине, но и в той стране, которой он посвятил двадцать лет своей жизни. Виной тому – всё та же политика, негативное отношение к СССР и, следовательно, к России, между которыми было принято ставить знак равенства.

Однако начиная с 1990-х годов ситуация постепенно меняется. Бережно, буквально по крупицам, историки из обеих стран собирают сведения об этом удивительном человеке. Ради этого перечитывают газеты столетней давности, изучают государственные архивы, записывают семейные предания, которые хранят потомки Афанасия Ивановича. Однако полную биографию Середина-Сабатина ещё только предстоит написать. Тем интереснее открывать эту неизвестную страницу российско-корейской истории.

* * *

История Кореи того времени в чём-то похожа на историю соседней Японии: обе страны долгое время были закрыты для внешнего мира, не принимали иностранные суда и не желали общаться с «белыми варварами». Однако если Япония начала открываться внешнему миру в конце 60-х годов XIX века, то Корее предстояло сделать этот нелёгкий шаг лишь на исходе столетия.

---

[1] Императорская Академия художеств – высшее учебное заведение в области изобразительных искусств, существовавшее в Российской империи с 1757 до 1918 г.

К тому времени положение Кореи стало самым незавидным в регионе. Уже на протяжении почти трёх веков она платила дань Китаю, считавшему себя сюзереном Кореи. Постепенно накапливающая силы Япония также начала приглядываться к полуострову и заявлять на него свои права. Борьба двух сильных соседей за влияние над Кореей вылилась в японо-китайскую войну 1894–1895 гг. И, хотя официально Корея не принимала в ней участие, некоторые военные действия велись и на её территории. В итоге над страной установился жёсткий протекторат Японской империи, который фактически сводил власть короля Кореи к нулю. Маленькое государство, оказавшееся между молотом и наковальней, очень тяжело переживало это унижение.

Конечно, война 1894–1895 гг. назревала в течение многих лет, но что технически отсталая страна могла противопоставить двум сильным соседям? Корея не обладала ни сильной армией, ни развитой экономикой, ни техническими достижениями. Откуда искать спасения?

Король Кореи Коджон в конце концов решил бороться с одними варварами силами других варваров, а именно – силами европейцев. Говорят, эту идею подсказала ему супруга, королева Мин, которая всячески старалась вывести страну из-под влияния Японии.

По этой причине, начиная с 1880-х годов, Корея устанавливает дипломатические отношения с европейскими державами.

В страну приглашаются образованные специалисты, которым щедро раздаются места на госслужбе и даже в правительстве – беспрецедентный случай в истории Кореи. Главной целью было овладение новыми знаниями и технологиями, которые везли с собой «белокожие варвары». Кроме того, многие сведения об истории Кореи того времени известны нам только благодаря письменным свидетельствам, которые оставили эти «варвары».

Не последнюю роль среди приглашённых иностранцев играли русские. Оценив потенциал северного соседа, Корея очень надеялась на его помощь в противостоянии с Японией. В 1884 г. были установлены дипломатические отношения с Российской империей, а в 1885 г. в Корею из Санкт-Петербурга приехал первый официальный представитель – генеральный консул Карл Иванович Вебер.

Интересно, что Афанасий Середин оказался в Корее ещё в 1883 г., то есть раньше, чем с ней были установлены официальные дипломатические отношения. Он был если не первым, то одним из первых русских, поселившихся и начавших работать в этой стране. По какой именно причине штурман русского Восточного флота решил оставить мореплавание и обосноваться в незнакомых краях – ещё одна загадка в его биографии. Возможно, обзаведшийся к тому времени семьёй Середин решил, что кочевой образ жизни больше ему не подходит. Как бы там ни было, Афанасий Иванович впервые сходит на корейский берег в рыбацкой деревне Чемульпхо (ныне Инчхон – третий по населению город в Южной Корее).

Вскоре Середин устраивается на службу к барону фон Мёллендорфу, начальнику всех корейских таможен. Именно Мёллендорф обеспечил Середина первой в Корее работой – его взяли для «землемерной съёмки в иностранном сеттльменте[2] и строительства дворцов»[3]. Кем именно был этот немецкий барон на самом деле – до сих пор большая загадка. Многие историки склонны считать его чуть ли не тройным агентом, работавшим сразу на несколько государств – Китай, Германию и Россию. В начале 1880-х годов его возможности, благодаря прямому покровительству короля и королевы Кореи, достигли своего зенита, что позволило ему влиять даже на политические процессы, происходящие в стране.

[2] «Сеттльмент» (англ.) – поселение.

[3] Статья Т.М. Симбирцевой «Сеульский строитель», журнал «Восточная коллекция» за осень 2009 г.

Фотографии динамично менявшейся Кореи конца XIX – начала XX в.

Во всяком случае, барон действительно благоволил России и, насколько мог, продвигал её интересы в Корее. К примеру, Договор о дружбе и торговле между нашими странами от 1884 г. был заключён при его непосредственном участии. Ему же принадлежит инициатива пригласить русских военных для обучения корейских солдат. И хотя многие из его замыслов так и остались нереализованными, в 1885 г. русский генеральный консул Карл Иванович Вебер вручил ему одну из высших наград Российской империи – орден св. Анны второй степени.

Таким образом, работа Середина в Корее начиналась вполне успешно – под крылом у сильного покровителя и с большими планами на массовое строительство, без которого Корее было никак не обойтись.

* * *

Если посмотреть на политическую карту мира, то станет понятно, что открытие Кореи внешнему миру не могло состояться без создания полноценных морских портов. Согласитесь, мало нашлось бы желающих преодолеть по суше путь от Парижа до Сеула в условиях слаборазвитой системы железных дорог. Говорить же о крупном товарообороте между европейскими странами и Кореей силами одного наземного транспорта и вовсе не приходится.

Выбор короля пал на три небольших поселения: Вонсан на восточном побережье (ближе к России), Пусан на южном (по соседству с Японией) и Чемульпхо на западном побережье (обращённом к Китаю, и ближе всего к столице – Сеулу). Примечательно, что выбор оказался удачным – функции портов эти города сохраняют по сей день. Два первых порта в большей степени принимали товары из Японии и Китая, а вот третьему, по замыслу корейского правительства, предстояло обслуживать европейские корабли. Именно поэтому барону Мёллендорфу и понадобился толковый архитектор, готовый взяться за преображение деревушки Чемульпхо в морские ворота страны. Осуществление столь амбициозного замысла требовало немалых усилий. Начать предстояло буквально с чистого листа: в рыбацкой деревне, разумеется, не было ни доков, ни складов, ни причалов (не говоря уже о прочих портовых сооружениях).

Однако задание заключалось не только в создании порта как такового. Нужна была соответствующая инфраструктура. Где разместятся прибывшие торговцы и моряки? Чем будут питаться? Кто их будет охранять? Это был настоящий вызов и для опытного мастера, Середину же предстояло сдавать жёсткий экзамен на архитектора не в аудитории, а в жизни. Однако что может быть желаннее для деятельного человека, чем испытание его таланта? Думаю, Середину льстило, что его знаниям, наконец, нашлось достойное применение.

Впрочем, волокита и распри, раздиравшие королевский двор, отодвинули осуществление этих грандиозных планов на целых пять лет. В то время каждое новаторское решение, хоть немного отступавшее от конфуцианских традиций, давалось корейской правящей верхушке с огромным трудом. Однако и без хлопот с генеральным планом портового города Середину было чем заняться в Чемульпхо.

За первый год своего пребывания здесь он ввёл в действие завод по производству кирпича для дворцового строительства, что, пожалуй, стало первым знаковым нововведением. Испокон веков королевские дворцы в Корее возводились из дерева, однако король Коджон серьёзно задался целью получить современную резиденцию. За заводом последовал проект здания морской таможни, строительство причалов и проектирование представительства немецкой компании «E. Meyer and Co». Все эти проекты реализовывались под непосредственным началом русского архитектора.

Затем Середин от строительства зданий переходит к созданию первого в Корее общедоступного парка, который сейчас называется Парк Свободы и является излюбленным местом для прогулок в Инчхоне. Уникальность парка состояла не столько в его европейском облике, сколько в том, что в отличие от садов, разбивавшихся до этого исключительно вокруг королевских дворцов и гробниц, сюда мог прийти любой желающий. Оценили ли корейцы конца XIX века такое новшество – неизвестно. А вот поселившимся в Чемульпхо европейцам наверняка было приятно пройтись по зелёному парку.

В 1885 г. Афанасий Иванович получает один из самых масштабных своих заказов – строительство здания русской дипломатической миссии в столичном районе Чондон. Эту возмож-

ность предоставил ему недавно прибывший в Корею первый поверенный в делах Карл Иванович Вебер, о котором мы уже упоминали ранее.

Сначала весь дипломатический корпус был вынужден жить в весьма стеснённых условиях, ведь в то время даже в Сеуле невозможно было сыскать ни одной гостиницы в привычном для европейца понимании этого слова (кстати, позже именно Середин исправит это положение вещей). Будучи эрудированным и всесторонне развитым человеком, Середин, по всей видимости, сумел произвести на Вебера самое благоприятное впечатление. По крайней мере, в направленном в Санкт-Петербург письме в Министерство иностранных дел с обоснованием затрат на строительство дипмиссии Вебер не скупился на приятные слова в адрес Середина:

«Я имею честь препроводить вновь составленную смету молодого русского господина Середина-Сабатина, построившего для короля в дворцовом городе в Сеуле красивый двухэтажный дом[4]*. Я вполне уверен, что он исполнит работу добросовестнее вызванного мною из Токио японца. Кроме того, весьма приятно будет, если миссия будет строиться русским. План главного здания тот же, как и прежде. Планы же других построек переделаны и упрощены без особого ущерба для их назначения. ‹…› Общая стоимость 51,442 рубля»*[5].

Вместе с тем деньги на строительство приходилось буквально «выбивать». После долгих переговоров, напряжённой переписки и пересмотра плана строительства (как видно из письма, изначальный план пришлось упростить, дабы урезать расходы) МИД наконец-то выделило долгожданные денежные средства. Впрочем, размер этих средств, как водится, был существенно ниже требующейся суммы. Однако это не помешало Середину блестяще справиться с заданием и построить одно из самых красивых зданий в Корее того времени. Вот что пишет о дипмиссии дипломат С.В. Чиркин, служивший в Корее в 1911–1914 гг.:

«Наше генеральное консульство было прекрасно расположено на большом пологом холме, на вершине которого стояло главное здание, построенное в стиле итальянской виллы. Одноэтажный дом очень красив с анфиладой громадных высоких комнат и четырёхгранной башней на правой стороне… На площадке перед зданием генерального консульства и по склонам холма, спускающегося к бывшей Legation Street (ныне Тендоро), разбит великолепный парк вековых деревьев разнообразных пород»[6].

К сожалению, на сегодняшний день от всего здания сохранилась лишь белоснежная башня, которая когда-то парила над основным корпусом миссии. Качество старых фотографий оставляет желать лучшего, однако даже по ним видно, что здание миссии, без сомнения, воплощало в себе могущество и богатство Российской империи. Постройка из белого камня, которая походила на итальянскую виллу эпохи Возрождения, величественно плыла над морем стареньких черепичных крыш корейских ханоков[7]. Удачное расположение на возвышенности только усиливало этот эффект.

Если же вы хотите увидеть великолепное здание дипмиссии таким, каким застали его современники Середина, то посмотрите фильм «Русский кофе» режиссёра Чан Юн Хён, который весьма подробно рассказывает о непростых русско-корейско-японских отношениях того времени. В фильме с помощью компьютерной графики очень точно воссоздано здание на пологом холме. Элегантное внутреннее убранство в стиле классицизма создавалось на основе

---

[4] Не до конца ясно, о каком именно двухэтажном доме идёт речь. Таким домом мог бы быть дворец для малых приёмов Тондокчон, однако он был построен позже здания дипмиссии. Информацию о каких-либо иных дворцовых постройках, возведённых Сабатиным ещё до работы над проектом дипмиссии, мне, к сожалению, найти не удалось.

[5] Статья «Архитектор его величества Кореи» Т.М. Симбирцевой, С.С. Левошко. Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 12.

[6] Статья Т.М. Симбирцевой «Сеульский строитель», журнал «Восточная коллекция» за осень 2009 г.

[7] Ханок – дом, построенный в традиционном корейском стиле. При постройке такого дома учитываются рельеф местности и её сезонные особенности.

сохранившихся фотографий залов дипломатического представительства. Автору этой книги было особенно приятно, что в фильме не обделены вниманием такие исторические персонажи, как генеральный консул Карл Иванович Вебер и его родственница госпожа Зонтаг, приучившая Корею пить кофе. Именно она во время пребывания короля Коджона в русской дипмиссии познакомила его с этим экзотическим напитком. Но к теме кофепития в Корее (которая на сегодняшний день весьма актуальна) мы вернёмся чуть позже.

Здание было полностью завершено в 1888 г. И в том же самом году (не под воздействием ли от увиденной красоты?) правительство Кореи наконец-то вспоминает о своих грандиозных планах в отношении порта. 9 ноября 1888 г. был подписан один из самых важных документов в истории корейской архитектуры – план возведения портового города Чемульпхо. Ему суждено было стать первым городом, построенным в Корее по европейскому образцу. На плане среди подписей консулов семи стран стоит и подпись самого Середина-Сабатина.

Здание русской дипмиссии

На этом король Коджон не останавливается, и, пока ведутся работы по перепланировке Чемульпхо, поручает Середину спроектировать административное здание военного ведомства Чхингунён. По замыслу Коджона, старавшегося поднять авторитет своей страны в глазах иностранцев, ведомство должно было выглядеть не хуже нашумевшего русского представительства. Удалось ли русскому архитектору превзойти самого себя и создать новый грандиозный проект – неизвестно. К большому сожалению, до сегодняшнего дня не дошло ни фотографий, ни чертежа военного ведомства. Доподлинно неизвестно даже место его расположения. Однако что мы точно знаем об этом здании, так это то, что его возведение было связано с одним очень неприятным скандалом, навлекшим много бед на голову нашего героя.

Итак, Середин-Сабатин фактически становится придворным архитектором, которому делает заказы непосредственно сам король Кореи. Казалось бы, о чём ещё можно мечтать? Ведь придворный архитектор (а Афанасий Иванович не преминул указать об этом высоком положении на своих визитных карточках!) обычно всячески обласкан, деньгами не обижен,

живёт в собственном особняке, ну или, на худой конец, в просторном доме. На него и заказы сыплются, как из рога изобилия, и в обществе ему всегда оказывают почёт и уважение.

Но, к несчастью для Середина и его семьи, в которой уже подрастало пятеро детей, всё сложилось не так, как следует. Даже в период строительных работ в Сеуле жена Середина вместе с детьми оставалась жить в Чемульпхо. Условия жизни в рыбацкой деревушке у них были скромными, причём эта скромность из года в год всё больше стремилась к убогости. Несмотря на государственные заказы, Середин месяцами не получал положенного ему жалованья (которое, к слову, и без того сложно было назвать большим). При строительстве же военного ведомства ему и вовсе задолжали за целый год работы! Середин занимал, где только мог, всё глубже влезая в кабалу, но в итоге наступил момент, когда ему просто перестали давать деньги в долг. Это был неимоверно сложный период, связанный не только с бедностью, но и с постоянными унижениями. Кредиторы не стеснялись врываться к нему в дом со скандалами, но, видя, что взять нечего, обратились в дипмиссию с требованием оплатить долги этого несчастного русского.

Король Коджон

Почему же придворный архитектор впал в подобную нищету? Ведь излишне расточительного образа жизни он никогда не вёл, алкоголем не злоупотреблял, а порученную ему работу выполнял добросовестно.

На сегодняшний день даже корейские историки признают, что правительство того времени полностью погрязло в коррупции, а монарх в силу своей зависимости то от китайцев, то от японцев был крайне слаб. Корее предстояло из феодального общества перепрыгнуть сразу в начало XX века. А верхи вели себя типично: реакционные и либеральные группы из наиболее влиятельных лиц страны сгрудились вокруг монарха и соперничали за влияние на него. Либералы хотели как можно быстрее преодолеть переходный период с последующим присоединением Кореи к остальному миру на правах независимого государства. Но их, как и следовало

ожидать, было мало. Реакционеры же воспевали заповеди Конфуция, ратовали за самобытность Кореи и, казалось, не против вновь вернуться «под крыло» Китая, лишь бы всё продолжалось по-прежнему. И таких, естественно, было много.

В эти неспокойные времена на первое место вышли поиски национальной идеи, самосознания, попытки найти наилучший для Кореи путь. В свою очередь «скучные» вопросы развития экономики отошли в тень. Казна постоянно нуждалась в денежных средствах, а правительство буквально крутилось, как белка в колесе, только успевая брать кредит в одном банке и погашать в другом. При этом любые действенные предложения по развитию внутреннего производства, поступавшие от европейцев, раз за разом получали вежливый, но решительный отказ правительства. Сколько копий сломал барон Мёллендорф, пытаясь развить в Корее шелководство, производство стекла и табака, добычу угля и золота! Под его проекты выделялись немалые деньги, но в последний момент правительство неизменно давало задний ход. Сама идея вмешательства иностранцев во внутренние дела Кореи претила многим корейцам и сталкивалась с глухим непониманием. Европейцем был и сам Середин, в связи с чем логично будет предположить, что, несмотря на благосклонность короля Коджона, при дворе ему были не особенно рады.

К тому же, любой переходный период – это не только противостояние мировоззрений. Это ещё и благодатная среда для временщиков и коррупционеров, живущих одним днём. При наличии таких людей во власти любые выделяемые на новые проекты деньги неминуемо утекут в никуда, словно вода сквозь пальцы.

Середину пришлось близко столкнуться с типичным временщиком по имени Хён Ын Тхэк, который был назначен его главным помощником. До получения заказа на строительство военного ведомства Афанасий Иванович занимался исключительно проектированием и наблюдением за ходом строительных работ. Однако в этот раз на него впервые свалилось ещё и руководство финансами. Полагаю, для него как для человека творческого, а вовсе не финансиста или бухгалтера, эта ситуация обернулась настоящей головной болью. Поэтому, когда Хён Ын Тхэк предложил свою помощь в ведении финансовой части, Середин вздохнул с облегчением. В свою очередь искавший личной выгоды помощник занялся тем, что мы сейчас назвали бы «распилом». В результате закупленные им строительные материалы оказались очень низкого качества, и строительство забуксовало. А подозрения в присвоении государственных денежных средств пали на финансово ответственное лицо, то есть на Середина.

Так началось очень долгое разбирательство, продлившееся целый год, в ходе которого архитектор не получал ни копейки и впал в крайнюю нужду. Хуже того, помимо «потери лица» он мог потерять доверие короля, что в восточном обществе равнозначно катастрофе. Сложно сказать, чем закончилась бы чёрная полоса в жизни Середина, если бы не помощь и.о. поверенного в делах и генерального консула России в Корее П.А. Дмитревского[8]. Именно он подал ходатайство самому королю Коджону, где твёрдо заявлял о непричастности русского архитектора к исчезновению выделенных на строительство денег.

В конце концов, доброе имя Середина было восстановлено, и он даже получил причитающееся ему жалование, которое быстро разошлось на возврат накопившихся долгов. А строительство военного ведомства Чхингунён так и не было завершено (видимо, именно поэтому не сохранилось его фотографий). Разочарованный в придворной службе архитектор задумался

[8] Павел Андреевич Дмитревский (1851–1899), российский востоковед, в течение многих лет находился на дипломатической службе в Китае, а затем дважды по несколько лет в Корее. Был очень отзывчивым человеком, всегда оказывал помощь соотечественникам, попавшим в беду. Также курировал строительство миссии. Известно письмо К.И. Вебера, который 17 апреля 1891 г. писал ему: «Получивши на днях ‹…› отпуск в Россию, я весьма рад был узнать, что Вы назначены заступить моё место ‹…›. Дел здесь, разумеется, немного; общество небольшое, но есть очень приятные люди, а климат – прелестный, какого на Востоке другого нет. Больше всего Вы будете заняты постройками. Вам, вероятно, известно, что в начале прошлого года была ассигнована сумма на постройку зданий здешней миссии. Мы строили весь год, но на Вашу долю ещё останется немало. Место у нас великолепное, самое лучшее в Сеуле и очень большое, но пока порядка нет…»

даже над тем, чтобы вернуться в Россию, но дело вновь упёрлось в финансы, а точнее, в их отсутствие. На выплату причитающихся ему по договору подъёмных средств у правительства уже не нашлось денег.

В качестве моральной компенсации король Коджон нанял Середина на должность «благородного свидетеля», что означало… сторожа при королевском дворце. При этом не до конца ясно, почему Середин снова не был назначен архитектором. Тут можно сделать три предположения. Либо, обжёгшись один раз на нечистоплотности корейских помощников, Середин больше не хотел заниматься строительством. Либо пустая казна уже не могла оплачивать градостроительные проекты короля. Либо же Коджон, убедившийся в добропорядочности русского архитектора, теперь нуждался в надёжном человеке из европейцев при своём дворе.

Конечно, мы не можем сейчас с уверенностью говорить о причинах назначения Середина на весьма странную должность (всё-таки переход из архитекторов в сторожа – не рядовое событие!). Да и в чём именно заключались функции Середина при дворе – тоже не до конца понятно. Возможно, должность всё-таки была формальной… Но с какой бы целью Середин ни был назначен «благородным свидетелем», пользу от этого назначения сложно переоценить.

1895-й год в корейской истории в первую очередь ассоциируется с убийством королевы Мин. Японцы небезосновательно считали, что именно она являлась инициатором проведения «прорусской» политики с целью вытеснить захватчиков с полуострова. Как мы помним, таких же взглядов придерживался и барон Мёллендорф, однако он к тому времени уже был устранён со своего поста и опасности для японцев не представлял.

Тем временем влияние России в регионе постепенно нарастало. В 1895 г. под давлением России, Германии и Франции Япония потерпела дипломатическое фиаско и была вынуждена отказаться от Ляодунского полуострова, который изначально отошёл к ней по результатам японо-китайской войны. Россия же, в свою очередь, была заинтересована в аренде незамерзающих портов Ляодуня у Китая. Судя по всему, это поражение стало для Японии последней каплей, после которой было принято решение действовать радикально.

После победы в войне с Китаем Корея попала под протекторат Японской империи. Отныне король Коджон управлял под строжайшим контролем со стороны Японии. Он оказался ещё более жёстким, чем во времена китайского господства. Япония, которая и сама ещё совсем недавно была по европейским меркам отсталой страной, теперь ни за что не хотела упускать своей первой крупной победы во внешней политике. В ситуации, когда на карту была поставлена национальная гордость, и речи не могло идти о том, чтобы делить своё влияние в регионе с Россией или с кем бы то ни было.

Насколько существенным было влияние королевы Мин при дворе и насколько серьёзны были её планы искать политической, а возможно, и военной поддержки у России, можно судить по записям из дневника японца Кобаякавы, участвовавшего в убийстве королевы:

«Если оставить отношения Кореи и России в том виде, как они есть сейчас, то японское влияние на полуострове сведётся к минимуму, и судьбы Кореи будет вершить Россия. Это будет крахом не только полуострова, но и всего Востока и Японской империи. Умеренной политикой в Корее Япония не сможет противодействовать России. В таком случае как же надо поступить? Остаётся одно: прибегнуть к крайним средствам, прекратить корейско-русские контакты и устранить их сторонников. Говоря другими словами, надо устранить главную фигуру во дворце – королеву Мин – и тех, кто поддерживает союз с Россией. Если королевы Мин не станет, то какой бы ни был Вебер выдающийся, через кого тогда он будет влиять на Корею?»[9]

[9] Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

* * *

Дальнейшие события находят разную оценку у историков в зависимости от того, по какую сторону баррикад они находятся. Мы оставим подробности возникновения и развития заговора против королевы Мин за скобками, поскольку оно не имеет непосредственного отношения к Середину. Для нас в первую очередь важно то, что на рассвете 8 октября 1895 г., когда королева Мин была убита ворвавшимися во дворец заговорщиками (среди которых, к слову, были не только японцы, но и корейцы), Середин оказался единственным свидетелем-европейцем, который впоследствии смог тщательно записать всё увиденное.

Ниже приведена небольшая часть подробного описания тех трагических событий, которое Середин изложил в докладной записке для русского вице-консула. Ценность этих строк очень велика:

«Меня толпа человек в 300 (солдаты, разная дворцовая прислуга и проч.) протащила во двор, где помещалась Королева ‹…› Поддаваясь течению охватившей меня обезумевшей толпы, я увидел во дворе помещения Королевы пять японских солдат, стоявших часовыми у двух калиток, и одного японского офицера. При этом там был взвод корейских новых солдат[10] *и 20-25 японцев в японских киримонах*[11] *и европейском платье. Японские часовые стояли неподвижно, равно как и японский офицер. Вблизи корейского взвода солдат стоял очень приличной наружности и весьма прилично одетый японец (в европейское платье). Японец этот имел в правой руке обнажённый кинжал и, по-видимому, распоряжался и командовал остальными японцами, которые с криками и визгом вытаскивали корейских женщин за волосы и бросали за окна (с высоты около 6 футов*[12]*). Всего за моё пребывание во дворе Королевы японцами было выброшено за окна во двор 10-12 женщин. Между прочим, ни одна из женщин не издала никакого звука, напр. вроде стона или крика ‹…›»*[13].

Здесь я позволю себе заметить, что королева Мин, точно так же, как и Середин, на протяжении долгих лет оставалась жертвой политики в своей собственной стране. Но если о Середине долгое время просто умалчивали как в СССР, так и в Корее, то королеве повезло гораздо меньше. Её образ преподносился историками исключительно однобоко, при этом королеву неизменно изображали как предательницу национальных интересов, которая готова была подчинить свою страну России. Ей также приписывали всевозможные пороки – от попрания корейских традиций до развратности и беспринципности.

Мы понимаем, что королева Мин не была ангельским созданием. Однако нельзя не признать, что столь негативное отношение к её образу сформировалось в результате натянутых отношений между СССР и Южной Кореей. На протяжении многих лет любое историческое лицо, так или иначе связанное с Россией, казалось как минимум подозрительным и неблагонадёжным.

Тем не менее, начиная с 1990-х гг., меняются отношения между странами, и вместе с этим меняется взгляд на опальную королеву. Всё чаще о ней пишут, как о мудрой правительнице, которая в непростое для страны время стремилась любыми путями сохранить суверенитет Кореи. В любом случае это была очень яркая, волевая и неординарная для своего времени женщина, которая всячески старалась балансировать между уходящими традициями и наступающей современностью. И, безусловно, с её гибелью Корея потеряла сильного политического деятеля, а Россия – своего союзника.

---

[10] Имеются в виду солдаты, инструкторами которых были японские офицеры.

[11] Киримон – синоним кимоно.

[12] 6 футов равняется 1,83 м, что, в целом, не слишком высоко.

[13] Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

Итак, Середин поневоле становится ценным и, следовательно, опасным свидетелем. Но, быть может, ему удалось бы остаться в тени и сохранить свою личность в тайне, если бы поверенный в российских делах Вебер не оказал ему медвежью услугу. Вот что писал сам Середин относительно своего непростого положения в те дни:

«То, что я сделался свидетелем Сеульского инцидента, я считаю для себя несчастным обстоятельством. Во-первых, его Превосходительство, Поверенный в Делах в Корее, посетивши совместно с прочими представителями (европейскими) в Корее Японского Посланника и выслушавши его заверения в том, что ни один японец не был замешан в нападении на дворец, сказал, что у него есть свидетель из европейцев, и передал Японскому посланнику всё, что я ему (Его Превосходительству) рассказал. Последствия этого были самые печальные ‹…›.

В тот же день вечером 8 октября ‹…› я был уведомлен одним европейцем и двумя корейцами, что очень вероятно на мою жизнь будет покушение, именно по той причине, что преступники из японцев и корейцев сильно подозревают, что я знаю очень много, что может их скомпрометировать; главное же, они боялись, что я могу их признать на могущей быть очной ставке. В результате мне пришлось не спать по ночам, а иногда, когда я получал уж очень тревожные для меня сведения, то приходилось и уходить на ночь из дому, что я и делал, чтобы не подвергать опасности свою семью ‹…› Получивши нервную лихорадку, находясь постоянно под страхом ожидания быть из-за угла убитым ‹…› я решил уехать из Кореи»[14].

Таким образом, «благородный свидетель» был вынужден на некоторое время покинуть страну. Однако его бегство длилось недолго. Очень скоро под влиянием непредвиденных обстоятельств всё пошло не по тому сценарию, на который рассчитывали японцы. Несмотря на искоренение «главной причины всех бед» в лице королевы Мин, влияние России на полуострове ничуть не ослабло. Напротив, оно набрало силу и теперь могло составить реальную конкуренцию японским властям.

Причиной такого парадоксального возвышения России в глазах корейцев стали грубые и излишне самоуверенные действия оккупантов. Сразу после убийства королевы Мин к королю Коджону насильно приставили японских охранников и под надуманными предлогами заточили во дворце Кёнбоккун. Таким образом, на некоторое время король фактически стал заложником в своём собственном дворце. Но 11 февраля 1896 г. Коджону удалось тайно покинуть Кёнбоккун и бежать в рус скую дипмиссию. Именно здесь он нашёл надёжное убежище и правил отсюда Кореей в течение целого года.

При этом для понимания расстановки сил на полуострове важно заметить, что факт присутствия короля в дипмиссии не считали нужным скрывать. Старые фотографии запечатлели, что в тот период над зданием миссии гордо развевались флаги Кореи и короля, ясно давая понять, где именно находится Коджон. Нарушить неприкосновенность русской дипмиссии японцы не решились: ведь одно дело – орудовать в завоёванной стране, и совсем другое – напасть на представителей независимого и сильного государства. Подобный конфликт мог дорого обойтись Японии.

Тем временем народ с воодушевлением воспринял новости о побеге своего государя. По Сеулу сразу расползлись слухи, что ещё при возведении дипмиссии между нею и дворцом Кёнбоккун Середин проложил секретный подземный тоннель, по которому и бежал король. Правда, эти домыслы были опровергнуты уже в наше время: несмотря на активные поиски, исследователям не удалось найти никаких подземных ходов.

В период нахождения Коджона в русской дипмиссии влияние России в этом регионе достигает своего пика, а архитектурная карьера Середина-Сабатина делает очередной виток.

Афанасий Иванович возвратился в Корею через несколько месяцев, когда опасность миновала, а король Коджон уже пребывал в полной безопасности. Его первым новым заказом

[14] Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

стало проектирование Ворот независимости (Тонниммун), которые были задуманы как символ освобождения от 300-летнего китайского владычества. К слову сказать, Коджон несколько поспешил с возведением этих ворот, ведь на протяжении всей первой половины XX столетия Корее ещё предстояло доказывать своё право на существование в качестве независимого государства. Да и японское присутствие на полуострове постоянно напоминало о том, что до истинной свободы ещё далеко.

Тем не менее ворота Тонниммун стали первым памятником подобного типа в Корее. Многие сравнивают их с Триумфальной аркой в Париже, однако я позволю себе не согласиться с такой аналогией. Если не считать самой идеи создания ворот как символа победы и триумфа, то все остальные особенности Тонниммун существенным образом отличают её от Парижской арки. Ворота независимости построены в выдержанном неороманском стиле без какого-либо декора. Сам проход обрамлён двумя стройными, высокими колоннами, создающими контраст в сочетании с мощными стенами и кирпичной кладкой. Верхняя часть ворот завершена лёгким парапетом, поскольку изначально планировалось, что на ворота можно будет подняться и осмотреть окрестности. В начале XX века прямо под балконом были вывешены корейские национальные символы.

Думается, что неороманский стиль, который, в отличие от неоготики, не пользовался особой популярностью в Европе, был выбран не случайно. Середин вообще относился к той счастливой категории архитекторов, которые хорошо понимают своего заказчика и тонко чувствуют его истинные желания. Лаконичность и сдержанность выбранного им стиля как нельзя лучше отражают философские взгляды буддизма и конфуцианства, которые на протяжении столетий доминировали в Корее.

Ворота Тонниммун

Поэтому, хотя Середин использовал исключительно европейские приёмы при строительстве Тонниммун, можно сказать, что воздвигнутые ворота в полной мере воплотили в себе ту самую национальную корейскую идею, поиском которой были заняты интеллектуалы того времени. Европейский стиль Ворот независимости символизирует открытость миру и готовность к обновлению. Монолитность арки отражает стойкость и несломленный дух корейского народа, которому пришлось пройти через многие испытания. Подчёркнутая простота форм

свидетельствует о том, что, даже обновляясь, Корея остаётся верна своим старым традициям, согласно которым выдержанность и невозмутимость являются лучшими добродетелями.

Сейчас найдено достаточно свидетельств личного расположения короля Коджона к русскому архитектору. Наверняка государю импонировали такие бесспорные качества Середина, как честность, порядочность, готовность работать даже в сложных условиях. Видимо, именно в силу полного доверия к Середину со стороны короля, в конце 1890-х годов он получает уникальное для европейца задание: построить пять павильонов, да не где-нибудь, а на территории королевского дворца Кёнунгун (с 1907 г. носит название Токсугун). «Вторжение» русского архитектора во дворец с целью изменить его облик многие сановники восприняли не очень доброжелательно. Но так пожелал король.

Все пять павильонов, построенных Серединым с использованием как корейских, так и европейских элементов, носили необыкновенно поэтичные названия: «Павильон умиротворённого созерцания», «Дворец доброты и милости», «Павильон девяти достижений», «Беседка зелёного бамбука», «Дворец проникающего света». Перечислив их, так и хочется сесть в беседку из зелёного бамбука под лучи проникающего света, преисполниться доброты и милосердия и умиротворённо созерцать плоды своих девяти достижений. К сожалению, до наших дней полностью сохранился только Павильон умиротворённого созерцания.

Главной особенностью уцелевшего павильона с точки зрения сочетания традиционного корейского и западного стилей является наличие двойного ряда колонн. Первый ряд, опоясывающий павильон по периметру, представляет собой эталон традиционного корейского зодчества. Второй ряд, чуть утопленный в глубину павильона, выполнен в классическом античном стиле. При этом колонны из первого ряда соединены изящной позолоченной решёткой с символами долголетия и процветания. С первого взгляда может показаться, что павильон излишне причудлив и сочетает в себе несочетаемое, однако он до сих пор очень любим в народе. В выходные дни в нём всегда толпится много посетителей, желающих приобщиться к истории своей страны. Соблюдая многовековую традицию, перед тем, как войти в павильон, корейцы от мала до велика почтительно снимают обувь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.